

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

А. Югов

До сего времени в нашей исторической литературе не освещены такие важные моменты отечественной истории, как взаимоотношения между Александром Ярославичем Невским, великим князем Новгородской и Ростовско-Суздальской земли и Киева¹, и Даниилом Романовичем Галицким, великим князем всей Червоной, Карпатской, или Галицко-Волынской, Руси. А между тем сопоставление первоисточников и анализ внешнеполитической обстановки того времени дают нам право утверждать, что эти два великих и самоотверженных ратоборца за Русскую землю — Даниил и Александр — были связаны узами взаимной дружбы и поддержки в то поистине страшное для Руси время — одновременного и, как полагают, согласованного напора² татар с востока, немцев с запада.

Александр и Даниил — «одного деда внуки, Володимеря племя», Мономаховичи; оба они противостояли общим врагам на Западе и на Востоке. Даниил и Александр уже потому только не могли упустить благоприятного момента для совместных усилий, что оба они, по всеобщему признанию, были выдающимися политиками и полководцами своего века.

Широко известно, что по государственному разумению и полководческому даро-

¹ Во времена Батия на Руси уже не было великого князя Киевского, а было два великих князя: Владимирский — Александр Невский и Даниил Галицкий. Киев переходил то к тому, то к другому. См. Голубинский Е. Кирилл III, стр. 2. Сергиев посед. 1894.

² «Почему не тронулись с места ни папа, ни германский император, почему монголы не пошли на Вену, почему между ними и императорскими войсками произошло лишь несколько мелких схваток, точно рассчитанных заранее, причём великий татарский полководец, попавший в плен, оказался... рыцарем Храма,—это загадка, которую мы предоставляем решать охотнику» (Лависс и Рамбо. Всеобщая история. Т. II, стр. 879). Известно, что советниками и великого хана и Золотой Орды по европейским делам были рыцари-тамплиеры. Известно, что в год вторжения Батия папа Григорий IX призывал к крестовому походу... на Россию, на Александра.

ванию Александр Ярославич превосходил современных ему князей и государей. Это было признано на Западе не только теми, кого бивал неоднократно на полях сражений Невский, но и папой, приславшим к Невскому послов с предложением королевской короны, а на Востоке — Батием, который сказал об Александре: «Истинно мне поведали, что нету подобного этому князю»³.

Столь же высоко ценили современники и потомки и Даниила Галицкого как полководца и политика. Летописи говорят о Данииле Романовиче в библейских тонах: «Бе бо дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на нём порока»⁴.

Мнение проф. Андрияшева о Данииле⁵ — «Бесспорно, это был великий, гениальный человек», «гигантская фигура» — разделял не только проф. Дашкевич, страстный апологет Даниила, но и Карамзин, Костомаров, Соловьёв. Последний пишет, что Даниил — «самый доблестный, самый благородный из князей русских»⁶.

Целиком разделяют эту оценку академик Лависс и Рамбо. В том же духе высказываются современные советские историки — академик Б. Д. Греков, проф. Н. П. Петровский и др.

В 1238 г. Даниил очистил от вторгшихся немцев Вольшь. 17 августа 1245 г. «в мале дружинне», не дождавшись помощи от своего союзника и друга польского князя Конрада Мазовецкого и Миндлова, он уничтожил под Ярославом на реке Сан огромную армию мадьяр, осадивших этот русский город.

В 1251—1253 гг. Даниил совершил два изумительных похода, слившихся в одну победоносную кампанию: сначала в Прибалтику, против немцев-мечесосцев, затем — в пределы немецкой империи, вдоль реки Одер.

Следует отметить особо, что Даниил первым из русских князей поднял на борьбу против немцев не только польских князей — Болеслава Лешковича и Владислава Казимирова.

³ Софийская летопись, стр. 266.

⁴ Ипатьевская летопись под годом 1224, стр. 497. Изд. Академии наук. 1871.

⁵ Андрияшев «Очерк истории Волынской земли», стр. 173. Киев. 1887.

⁶ Соловьёв С. «Даниил Романович, король Галицкий». «Современник» за февраль 1847 г., стр. 119. СПб.

мировича, но и литовских — Тевтивила и Эднвида (Олавский поход 1253 г.)¹.

Польские князья и воеводы просили, чтобы Даниил руководил ими в битвах. «Ты — король, глава всем полкам. Нас не послушают. А ты ведаешь воинский распорядок. Многоопытен в битвах... Веди нас», — говорили они ему. Конрад Мазовецкий восхвалял приёмы русского боя под руководством Даниила: «Кондрату же любящую русский бой и понужающую Ляхы свои»², — говорится в летописи.

Даниил Романович был одним из образованных и просвещённых среди государей Европы XIII века. Он знал латинский, древнегреческий, немецкий, венгерский, польский, литовский и половецкий языки. Проявленный политик, он хорошо понимал необходимость единства всех славян против татаро-немецкого, двойного напора.

Необходимость славяно-русского единства была осознана ещё предками Даниила. Этим сознанием были проникнуты вся жизнь и деятельность его прабабки Ефросиньи Мстиславовны, внучки Владимира Мономаха, знаменитой королевы венгерской. Она была женой короля Венгрии Гейзы II и прославилась своей прославянской деятельностью³.

Только в свете освободительной славянской западной политики Даниила и можно правильно понять так называемый «австрийский эпизод» в борьбе Даниила с немцами.

¹ Ипатьевская летопись под 1256 годом. «Хронологія подій Галицько-Волинської літописі, розвідка М. Грушевського» относит этот совместный с поляками поход на немцев к 1253 году.

² Ипатьевский список, Галицко-Волинская летопись под 1229 годом.

³ Гейза II глубоко чтит своего шурина Изяслава Мстиславича, князя Волинского и Киевского, даже побывавшему ему, именовал его не иначе, как «отец», а это, по традициям междукняжних отношений того времени, означало, что венгерский король признавал политическое старейшинство над собой Изяслава, этого замечательного полководца древней Руси, одного из предков Даниила. При Гейзе II прекратилось насильственное обращение в католичество мадьяр и славян. Известно, что в XII—XIII вв. и мадьярские народные массы ожесточённо сопротивлялись обращению в католичество и пропискам немецкой партии, окружавшей венгерских королей. Так, во время похода короля венгерского Андрея II на Карпатскую Русь в мадьярской армии произошло восстание. Восставшие убили королевю-немку Гертруду, хотели убить короля, истребили всех немецких советников короля. Спаслась немногие, в том числе брат королевы: «А шюрян его одва утече, патреарх Авлеский (аквилейский. — А. Ю.); мнози немцы избиты быша» (Ипатьевская летопись под 6718, — 1210 г.). Народ мадьярский со времени Стефана I отчаянно сопротивлялся противославянской и противорусской политике королей и баронов венгерских, связанных через

Австрия во времена Даниила именовалась также и землёй Рагузской — от хорватского сербского города Рагуза — Дубровник. Земля Рагузская в XIII в. была почти сплошь славянской, но управлялась, вернее унеталась, немецкой династией Бабенбергов, стремившихся заселить её выходцами из Германии.

Даниил прекрасно понимал, что хорваты, обитавшие на Карпатах, и хорваты адриатического побережья и дунайских земель — одни и те же. Он знал, что венгры, перекочевавшие на Паннонскую равнину из Азии, вклинились между славянами. Ещё в походе Олега на Цариград принимали участие хорваты, подвластные киевскому князю, в 907 году.

Земля Рагузская входила в состав комплекса земель и племён, которые у римлян обозначались «Иллириум», а в наших летописях — «Иллирик». «Иллирик (Иллириум) — совокупность земель на Балканском полуострове: Далматия, Босния, Герцеговина, Черногория, части Сербии, Хорватии и Истрии»⁴. Русские вместе с хорватами и сербами с незапамятных времён обитали в Иллирике: «Там, ведь, Иллирик, до которого доходил Павел (апостол)... тут сперва были Словене... А Словенский народ и Русский — один»⁵; — неоднократно и настойчиво повторяет Нестор.

Понятно, почему накануне неминуемой борьбы с Батьем Даниил, напрягая все силы Галицкого и Волинского княжеств, всё же не отказал в помощи королю Венгрии Бэле IV в борьбе против немецкой империи, за «рагузское наследство». При этом Даниил справедливо полагал, что не для того льётся кровь «русичей», чтобы вместо унеталей-немцев посадить венгерских королей. Поэтому князь Галицкий и поставил условием, что короною Рагузской земли будет коронован отнюдь не Бэле IV, а юный сын Даниила — Роман Данилович. Бэле подписал договор и, по обычаю, целовал крест на верность своему союзнику Роману. Сын Даниила женился на наследнице Рагузского герцогства и в течение года был герцогом Австрии. Но были двинуты

династические браки с немецким императорским домом и с герцогами немецкой крови. (См. Начальную и Киевскую летописи; Грот К. «Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141—1173)». Варшава. 1899; Нил П. «Мадьярский историк Салай». СПб. 1864; Будилович А. «Тысячелетие мадьяр». СПб. 1868; материалы энциклопедий по разделам: Венгрия, мадьяры, Стефан, Гейза и т. д. — труды акад. В. Г. Васильевского; из историков первой половины XIX в. — труды Надеждина.)

⁴ Древнерусские летописи, стр. 325. Изд. Академии наук, 1936.

⁵ Там же, стр. 16. В подлиннике: «Ту бо есть илурик, его же доходил апостол Павел... ту бо бяша Словени перасе... А Словенеск язык и Руский один...» (Повесть временных лет, Ипатьевский список, стр. 10, изд. Академии наук, 1871).

огромные силы против Романа Даниловича. Бэла вероломно нарушил договор. И первому русскому герою Рагузской земли после тяжёлой борьбы и осады пришлось оставить замок близ Вены. Отец не мог оказать ему непосредственную помощь, ибо враждебная Венгрия лежала между Рагузской землёй и Червоной Карпатской Русью. Тогда-то и последовал знаменитый поход-рейд Даниила в союзе с польскими князьями во владения немецкой империи.

Вполне справедливо было желание Даниила Галицкого восстановить непосредственное соседство с Хорватией и Сербией, нарушенное вторжением мадьяр ещё во времена Святослава Игоревича. Любопытно отметить, что русский князь Даниил в договоре с Батыем о выкупе пленных караимов именуется и королём хорватским.

Политика Даниила на Западе не преследовала захватнических целей. Даниил не присоединял Рагузскую землю, а освобождал её: Роман Данилович, женившийся на наследнице престола, овдовевшей Гертруде Бабенберг, стал самостоятельным государем освобождённых славянских земель. Политика Даниила на Западе была оборонительно-освободительной. «Не подобает держать нашу отчину крестоносцам-тамплиерам! крыжевнику, Темпличем, рекомым Соломоничем»¹, — провозгласил он и вышвырнул Тевтонский орден из Волыни.

Своей мудрой, миролюбивой политикой Даниил объединил поляков с русскими в борьбе против немцев и татар. Доказательством этого служат совместный поход русских с поляками на немцев в 1253 г. и договор в Тернаве (1262), заключённый после Бурундаена нашествия. В Тернаве между поляками и Даниилом был не только заключён вечный мир и военный союз против всех врагов², но и договор о том, что в случае распри и столкновения между Даниилом и польскими князьями они не будут вводить друг у друга населения.

Стремление к союзу с Россией у сербов и хорватов явственно обозначилось ещё в раннем средневековье. Проф. К. Грот говорит об этом так: «Взоры бана Белуша устремлялись уже на православный славянский восток, на Русь, с которой и при Бэле (Слепце) были связи»³. Серб, став регентом Венгрии, направлял внутреннюю и внешнюю политику этой державы на сближение с Киевской Русью.

¹ Галицко-Волынская летопись под годом 6743 (т. е. 1235). «Соломоничами» именовали русских тамплиеров, как рыцарей «храма Соломонова».

² См. Галицко-Волынскую и Густынскую летописи. «Данило з Болеславом, королём польским, вечный мир створиша и крест себе целоваша, обещающеся един другому единодушно на неприятелей помогати» (Густынская летопись, стр. 543. Изд. Академии наук. 1843).

³ Грот К., проф. «Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141—1173 гг.)».

Даниил Галицкий, готовясь к неизбежной борьбе с татарами и немцами, стремился заручиться поддержкой западных славян, Литвы и даже Рима. Вполне естественно, что в первую очередь он должен был укрепить союз с сильнейшим русским князем и полководцем Александром Ярославичем Невским. Александр также стремился к союзу с Даниилом.

Однако неотступное наблюдение ханов за Александром прелятствовало открытому оформлению этого союза. Нужно было найти такие формы сближения, чтобы татары, даже подозревавшие о существовании союза между Карпатско-Волынской, Червенской Русью и Суздальско-Новгородской, не знали о нём наверняка. Надо было найти такое посредничество, за которым трудно было бы наблюдать, такого посла, который пользовался бы иммунитетом у татар.

Одной из безопасных форм сближения мог оказаться династический брак. К нему и прибегли князья. Неприкосновенностью же у татар пользовались духовенство и «церковные люди» вообще — «чернецы, попы, игумены и все, кто зрит на владыку»⁴. И послом Даниила при Александре, притом послом чрезвычайным и постоянным, стал глава русской церкви, митрополит Кирилл — с юности друг и сподвижник Даниила и, по существу, канцлер его по особо важным внешнеполитическим делам.

II

Пора покончить с распространёнными ошибочными взглядами в нашей исторической литературе, будто Александр Невский был только данником татар и вся «мудрость» его политики на Востоке состояла в том, что он подавлял повсюду народные восстания против ханов, как несвоевременные, да, «идя по следам отцовским, передавал много золота и серебра в Орду на выкуп пленных»⁴.

Чтобы возить золото и серебро в Орду, особых способностей не требовалось. А победитель Биргера и тевтонов был, как признано всеми, великим политиком и полководцем. Так же, как Даниил Галицкий, Александр был страшен татарам. Страшен и воинской силой своей и умелой внешней политикой на Западе после разгрома шведов и рыцарей.

Батый, сказавший об Александре, что «нет подобного этому князю», не мог не знать, что такого же мнения об Александре и папа римский Иннокентий III, приславший к Невскому своих послов с предложением ему короны в случае, если Александр пойдёт на унию. Знал Батый, что вскоре после своего разгрома и шведы и рижский магистр умоляли Александра о мире: «Что зашли мы мечом, Вот, Лугу, Псков, Летголу, от того от всего отступаемся, и что Александр даровал им мир. Знал Батый, что в 1245 г. Александр уничтожил войска вторгшихся кунигасов Миндовга у Торонца,

⁴ Соловьёв С. «История». Т. III, стр. 192.

у озера Жизца. Словом, на Западе Александр разделался с врагами надолго. Тыл его был обеспечен и только что одержанными победами и искусной дипломатией. Батый имел полное представление о военной мощи Александра. Когда после смерти отца своего Ярослава Всеволодича Александр прибыл во Владимир «в силе тяжцей», весть о его прибытии быстро разнеслась до устья Волги, и «жёны моавитские» — татарки — пугали детей своих; «Молчи, Александр едет!»¹.

Александр Ярославич не ограничивался выкупом русских пленных у Орды и дипломатией с татарами: он готовился вооружённой рукой свергнуть татарское иго, «иссушавшее и самую душу народную». Его союз с Даниилом был одним из этапов подготовки к решительной борьбе с татарами. Дважды рука Александра управляла во взаимодействии против татар и оба раза успешно.

III

Ещё в 1245 г., когда венгры вторглись в Червоную Русь, Александр помог Даниилу Миндовгу, обещавший помощь русским против венгров, вместо этого вероломно вторгся в пределы Полоцкого и Смоленского княжества. Но здесь его кунигасов встретил Александр и, что называется, «не оставил и на семена».

Осенью 1250 г. митрополит всея Руси Кирилл, невзирая на осеннюю распутицу², проделал путь в две тысячи вёрст — от Холма до Владимира на Клязьме.

А зимой того же года по санному пути во Владимир прибыла, надо полагать со свитой и дружиной, всегда сопровождавшей княжён-невест, дочь князя Даниила Романовича Галицкого, которая стала женой Андрея Ярославича, брата Александра Невского.

«В лето 6758 (1250 г.— А. Ю.)... тое же осени приехал митрополит Кирилл на Суждальскую землю. Тое же зимы (и летопись подчёркивает связь событий! — А. Ю.) оженился князь Ярославич Андрей Даниловичу Романовича... И много веселья бысть»³.

Само собой разумеется, без согласия Александра, который был «в отца место» как старший, такой брак совершиться не мог.

«В лето 6759 (1251 г.— А. Ю.) поеха митрополит в Новгород великий ко Александру»⁴.

¹ «Великий князь Александр приде в Володимирь в силе тяжце и бысть грозен приезд его». Софийская летопись. I, стр. 266.

² О пугах сообщения древней Руси см. Аристов Н., проф. «Промышленность древней Руси», стр. 238, 239, 240, 241, 242, 1861.

³ См. Лаврентьевскую летопись под указанными годами.

⁴ Там же. Подтверждение этих событий — в Троицкой и в Новгородской. Лаврентьевская летопись, стр. 472—473. Изд. Академии наук СССР 1927.

Непосредственной реакцией татар на попытку объединения двух могущественнейших князей древней Руси было нашествие хана Неврюя на земли Андрея Ярославича. Андрей же, «собрав воинство своё, пошёл против них и встретились и начали биться, и была битва великая и одолели татары». Андрей вместе с Даниловичем был вынужден бежать в Швецию.

Далее, следует обратить внимание на порядок развития последующих событий (по Лаврентьевской летописи): сначала бегство Андрея после поражения; потом «иде Олександр князь Новгородский Ярославич в Татары» (значит, вовсе «не жаловаться на брата», как это неправильно предположил Татищев и с особенным удовольствием повторил М. Грушевский)⁵ «и опустыша и (его.— А. Ю.) с чеством великою, даше ему старейшинство во всей братии его».

Митрополит Кирилл встретил Александра, вернувшегося из Орды, с гражданами у Золотых ворот.

А затем в 1252 г., несмотря на то что регулярное войско, дружина князя Владимиро-Суздальского Андрея Ярославича, было разбито татарами, но всем восточным княжествам, уже в то время, когда на великом княжении Владимирском был сам Александр (это мы подчёркиваем), подымается восстание против татар, и восстание победоносное. Об этом с великой гордостью говорят летописи: «В лето 6760 (1252 г.— А. Ю.) Избави Бог от лютого томления бесурменского люда Ростовския земля: вложи ярость в сердца крестьяном, че терпяче насилья поганых, изволиша веч (собрали вече.— А. Ю.) и выгнаша из городов, из Ростова, из Володи-

⁵ Нелепая догадка Татищева о том, будто Александр Ярославич, недовольный тем, что Андрей Ярославич сидит во Владимире, а он, Александр, в Новгороде, прибегал к помощи татар в борьбе против брата, не соответствует никаким летописным источникам. Эту нелепую подхватил известный историк М. Грушевский, который был одержим, как известно, буржуазно-шовинистическими идеями, враждебными единству великой Руси и украинского народа. «Очевидно, — гадают Грушевский, — наданне Кива ігого (Александра.— А. Ю.) зависим не потишло, й слядом він починае копати під братом» (1). К сожалению, какое-то вероятие пытался придать известию Татищева и С. М. Соловьёв. Однако исследования Щербатова, Беляева и др., не говоря уже о летописных известиях, не оставляют за татищевским известием и тени правдоподобия. И. Д. Беляев, исследовав этот вопрос по 12 летописям, нашёл, что «эти олдн не обвиняют Александра в наведении татар, друнэ летописи также ничего не говорят об этом» (см. «Великий князь Александр Ярославич Невский», стр. 19, прим. 48, отдельн. оттиск из «Временника» IV). О таких известиях, которые встречаются только у Татищева, Бестужев-Рюмина писал, что к ним требуется «осторожность в пользовании» («Русская история». Т. I, стр. 212).

мера, из Суждали, из Ярослава»¹. Татары были изгнаны также из Твери, Ярославля-Залесского, Рязани и Пронска. Разве могло бы народное движение одновременно принять такой размах, если бы Александр Ярославич не вдохновлял, не организовал это народное движение, охватившее не только его отчину, но и все восточные княжества в то время, когда он сам находился во Владимире?! Совершенно очевидно, что организовал, руководил этим восстанием, и руководил победоносно,— Александр.

И татары вынуждены были стерпеть, притворились, что ничего особенного не произошло. Ханы убрали сборщиков, откупщиков податей—босерменов—и даже поручили сбор даней-выходов, «татарщины», самому Александру. Положение было едва ли не такое же, как и при Иване Калите, целым веком позднее!

Даниил и Александр, гениально учитывая внешнеполитическую ситуацию, выбрали благоприятный момент для координации усилий и для первой «ограбности» татарам. У Золотой Орды в этот момент хватало сил только на то, чтобы разбить войско Андрея Ярославича и послать против Даниила Галицкого хана Куремсу (в этом же, 1252 г., как теперь считается установленным), но войско хана Куремсы было разбито Даниилом. У татар не хватало военной мощи, чтобы немедленно подавить вооружённой рукой восстание. Пришлось идти на уступки.

Батый уже не имел былого влияния, ибо стал дряхлым (умер в 1255 г.), а между ханами: Берке, братом Батия, Сартаком, сыном Батия, и Тарбоном (Карбоном), зятем Батия,— шла грызня.

Исключительно благоприятно складывалась обстановка с 1250 г. и на Западе. Венгры помнили ещё свой разгром под Ярославлем, тевтоны и шведы — Неву и Ледовое побоище. В 1250 г. умер Фридрих II Гогенштауфен, незаурядный полководец и политик, объединявший Римско-германскую империю. В Германии сразу появилось несколько самозванцев, выдававших себя за Фридриха. Многие области Германии не знали, кого считать императором. Недаром время с 1250 по 1273 г. (избрание Рудольфа Габсбурга) называется в истории «эпохой великого междоусобия в Германии».

Тевтоно-ляцкий немецкий орден лишился постоянного притока пополнений из Германии. В силу всех этих причин «легат» Даниила, Кирилл, и поспешил во Владимир на Клязьме уладить сватовство и обвенчать Данииловну и Ярославича.

IV

Таким образом, непосредственным, живым звеном в союзе Александра и Даниила, Карпатской Руси и Северовосточной, был митрополит Кирилл.

О Кирилле у историков нет двух мнений. «Кирилл—знаменитый миротворец кня-

зей и друг отечества». Это определение, данное Карамзиным, принято всеми.

Кирилл, родом галичанин, или волянец, почти сверстник Даниила, был другом его с юности. Одни считают его епископом Холмским, другие оспаривают это. Но единодушно мнение о том, что в митрополиты его выдвинули Даниил и Василько². И уже с 1230 г. Кирилл в летописях именуется «митрополит Галицкий, Киевский и всея Руси», хотя на поставлении у патриарха он ещё не был.

В 1228 г. Кирилл пытался, хотя и безуспешно, помирить пинских князей с князем Даниилом: «В лето 6736 (1228 г. — А. Ю.) приехал Кирилл митрополит мир сотворить и не смог»³.

Однако Кириллу удалось примирить Даниила с Владимиром Рюриковичем Киевским. В 1230 г. он из Киева поехал в Суздаль и помирил Ярослава Всеволодича с южнорусскими князьями. Дипломатическая деятельность Кирилла не ограничивалась переговорами с русскими князьями.

После Ярославской победы Даниила над венграми (17 августа 1245 г.) и почётной встречи, оказанной ему, вопреки ожиданиям, Батыем, король венгерский Бела IV стал домогаться брака своей дочери с сыном Даниила, в чём прежде, нарушив обещание, отказал. Он воспользовался проездом Кирилла через Венгрию в Никею, куда послал его Даниил для поставления в митрополиты, и стал упрашивать Кирилла способствовать браку: «Кирил митрополит был послан Даниилом и Васильком на поставление на русскую митрополию, и убедил его король словами многими, и дары обещал, говоря: «Проведу тебя в Греки с великою честью, если сотворишь Даниил со мной мир». Он же ответил: «Поклянися клятвою, что не перемеришь слова своего, тогда поеду и приведу его» (Даниила.— А. Ю.)⁴.

С такой уверенностью мог говорить лишь человек, занимавший особое положение при Данииле⁵. Вернувшись из Никеи, Кирилл сказал Даниилу Галицкому: «У тебя есть намеренье — возми же дочь его сыну своему в жёны. А брат Василько сказал Даниилу: «Иди к нему, потому что и он христианин».

Кирилл сопровождал Даниила и в Изволин, где произошло венчание Льва: «Даниил пошёл, взяв сына своего Льва и митрополита (Кирилла.— А. Ю.), и пришёл к

² Это произошло вслед за тем, как угровский «пискуп» Асаф «скачи на стол митрополит» (см. Галицко-Волянскую летопись под 1223 годом).

³ Галицко-Волянская летопись под 1228 г.

⁴ Галицко-Волянская летопись по Ипатьевскому списку под 1250 годом. Дано в переводе автора (год в Ипатьевской летописи указан неверно, надо — 1245).

⁵ Проф. Е. Голубинский в своей книге «Кирилл III» высказал даже предположение, что Кирилл был поставлен в митрополиты из простых монахов.

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 204. 1846.

королю в Изволин и взял дочеръ его сыну своему в жену»¹.

Кирилл сопровождал Даниила и в то время, когда последнему пришлось скрываться от Батия, пославшего двух ханов, чтобы схватить галицкого князя. «Даниил захар Холм (сильнейшую, выстроенную им крепость.— А. Ю.) и поехал к брату своему Васильку, взяв с собою Кирилла Митрополита»². Этот же самый Кирилл и явился как бы «легатом» Даниила Галицкого при Александре Невском. Лучший выбор трудно было сделать. Выдающийся дипломат, преданный отечеству и своему князю, будущи иерарх церкви — к тому же верховным, — Кирилл пользовался неприкосновенностью у татар. Как митрополит «Галицкий, Киевский и всея Руси», Кирилл мог, по прямым обязанностям своим, обезбжать подчинённые ему епархии, т. е. всю тогдашнюю Русь — от Карпат до Волги. И татары должны были примириться с этим.

V

Что представлял собой Андрей Ярославич, зять Даниила и брат Александра? Прежде всего он был доблестным борцом за Русскую землю и против немцев и против татар, верным соратником брата своего Александра в ливонских войнах. Это он, Андрей, во главе понизовых войск взял Псков, когда было убито 70 знатнейших «братьев» Ордена, когда орденских наместников в оковах привели в Новгород. С татарами, как свидетельствует летопись, у него была «битва великая».

К великому хану, в Каракорум, Андрей ездил вместе с Александром Невским.

«Степенная книга» даёт следующую характеристику Андрею, попутно одобрительно отзываясь о взаимоотношениях братьев: «Великий князь Александр, опять поехал в Орду, к новому царю Сартаку. Славный же град Владимир и всю Суздальскую землю поручил брату своему, князю Андрею. Он же (Андрей Ярославич.— А. Ю.), хотя и преизбыточествовал благородством и храбростью, но, однако, на управленье державою смотрел, как на междуделье, и предавался охоте на зверей, и внимал советникам младшим; а от них было многое настроенье, и оскуденье в людях и пагуба имению»³. По одному из «Житий Александра Невского»⁴, умирающий Ярослав Всеволодич определяет своего сына Андрея как «спо-

спешного», т. е. по мощи его, устремляющегося на помощь, споспешствующего. И, действительно, летописи и «Жития Александра Невского» показывают нам Андрея Ярославича всегда и всюду как постоянного соратника его великого брата.

После поражения в битве с татарами Андрей бежал в Швецию, не без ведома Александра, через его вотчину — Переяславль-Залесский и его княжение — Новгород. Из летописей мы узнаём, что в 1255 г. Александр великими дарами выхлопотал брату своему прошение и разрешение вернуться на родину. Он встретил Андрея «с великой любовью».

Подводя итог летописным сообщениям, проф. Экземплярский говорит: «В 1256 г. Андрей воротился на Русь и с любовью был принят Александром, который хотел дать ему Суздаль, но не решался этого сделать без воли разгневанного на Андрея хана»⁵. И уже в 1257 г. Александр и Андрей опять вместе, как вместе были тевтонов и ездил вместе в Монголию, едут в Золотую Орду.

Непонятно, как могли некоторые из историков (даже С. М. Соловьёв) поверить догадкам Татищева, который без всяких оснований предположил, будто причиной нашего шествия Неврюя на землю Суздальскую явилась жалоба Александра на Андрея. Между тем в свете приведённых фактов и их синхронности становится явным, что татары разгадали угрозу, таившуюся в союзе Карпатской Руси и Новгородско-Суздальской, Александра и Даниила, и ответили на это нашествием на зятя Даниила — Андрея — и на самого Даниила. Нашествие Неврюя было особенно опустошительным для отчины Александра (Переяславля-Залесского). Татары пожгли города и села, опустошили землю, увели много пленных. Была убита невестка Александра, жена другого брата, Ярослава Ярославича.

Причиной появления версии о ссоре между братьями было невнимание к последовательности событий (1250—1252).

Следует заметить, что когда состоялся брак Андрея Ярославича и Данииловны, то Васильк, брат Даниила, был уже женат на двюродной сестре Александра Невского — Олёне.

Но ещё и до этого свойства между домами Александра и Даниила родство между ними было столь близкой степени, что препятствовало браку Василька Романовича и Олёны Суздальской. По крайней мере, начиная переговоры с Даниилом Галицким, папа Иннокентий IV послещил особой буллой признать законным брак Василька. Очевидно, со стороны русского духовенства были препятствия к этому браку. Не говоря уже о том, что Александр Невский и Даниил Галицкий оба были Мономаховичи, между ними было следующее родство: одна из дочерей Мстислава Удалого была

¹ Ипатьевская летопись под 1250 г.: «Оттуда же Данил поиде, поемь сына своего лва и митрополита, иде к королеви во Изволин».

² «Данил же затворив Холм, еха ко брату си Василькови, поима с собою Курила митрополита» (Галицко-Волынская летопись под 1243 годом).

³ Степенная книга. Т. I, стр. 367. Дано в переводе.

⁴ См. Исследование Мансикки под этим наименованием.

⁵ Экземплярский А., проф. «Великие и удельные князья Северной Руси», стр. 27. СПб. 1889.

матерью Александра Невского, а другая Метиславовна стала женой Даниила. Иначе говоря, мать Александра Невского и жена Даниила Галицкого были родные сёстры. Значит, дочь Даниила, выданная замуж за Андрея Ярославича, была со своим женихом в родстве, и очень даже близком: мать жениха была родной сестрой матери невесты. В этой степени родства, по законам русской церкви, брак не допускался. А между тем венчал сам митрополит Кирилл!

За новым браком, ещё более роднившим Александра и Даниила, очевидно, крылась серьёзная побудительная причина политического порядка. Брак Андрея, несомненно, свидетельствовал о политическом сближении Новгородца и Владимира на Клязьме с Галичем. Любопытно, что с того момента, как митрополит Кирилл повенчал Даниловну и Ярославича, летописи отмечают, что он неотступно находился при Александре, как прежде при Данииле: в 1251 г. он был в Новгороде, в 1252—1259 гг. — во Владимире и вообще — в Ростовской земле¹. Кирилл митрополит выступил с Александром Невским даже и в финляндский поход и сопровождал его до Копорья (1256).

Вернёмся, однако, к дальнейшим событиям, которые развернулись после сближения Александра Невского и Даниила Галицкого, после «Неврюевой и Куремсиной рати».

VI

В Орде на смену умершему Сартаку пришёл брат Батия — Берке. Он консолидировал силы всех орд, за исключением персидской орды хана Хулагу. Ханы Большой орды, по существу, были марионетками в руках Берке.

В 1257 г. на Руси была проведена татарами перепись населения. В эту зиму приехали численники и изочли «всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую и ставиша десятиники, и сотники, и тысячники, и темники... Толико не чтоша игуменов, черныцев, попов, крилошан»². И поехали в Поволжский улус «князи вси» и «поехаша в татары Александр и Андрей».

Однако это был очередной дипломатический шаг Александра. Александр и Даниил, освободив себе руки на Западе и мечом и договором, готовились предпринять новую попытку свергнуть татарское иго.

Даниил Галицкий, разгромив венгров под Ярославом 17 августа 1245 г.³, развил исключительно внешнеполитическую активность для того, чтобы обезопасить свой тыл на Западе в предстоящей войне с татарами. Даниил не отклонил в 1246 г. предложения короля венгерского Бэлы IV породниться. В Германии с 1250 г. — смута; тевтоны обесслели. Даниил женит своего сына на дочери Миндовга, а сам, овдовев,

женится на племяннице Миндовга. Однако с Миндовгом приходится быть настороже: он рвется и на юг, и к Смоленску, и к Полоцку. Необходимо было укрепить союз со значительными литовскими князьями — Викингом, Эдивидом и Тевтивилом. Из многочисленных племянниц литовского самодержца женой Даниила, не случайно, конечно, становится родная сестра Тевтивила и Эдивиды — враг Миндовга. Сын Миндовга, знаменитый Войшелк, жил «в великой любви» с юным Даниловичем, зятем своим, Шварном⁴.

Однако перешедший из православия в католичество Миндовг продолжал вести переговоры с рижским магистром и вскоре получил королевскую корону от папы Иннокентия IV (1252).

Разбив в 1251—1253 гг. Тевтоно-ливонский орден и победоносно вторгшись на территорию немецкой империи, Даниил перешёл в наступление на татар. В это же время он возобновляет переговоры с папой о крестовом походе против татар.

«Данило же воевал с Куремсою и никогда не боялся Куремсы», — говорит Ипатьевская летопись⁵. Татары страшатся Даниила. «Как ты пойдёшь на Галич? — говорит хан Куремса Изяславу Владимировичу, которого татары хотят поставить вместо Даниила. — Данило князь лют! Если отымет у тебя живот, тогда кто тебе поможет?»⁶.

Наконец, заключив с Миндовгом военный союз, Даниил разгромил ханов и погнал их к Киеву. «И прислал Миндовг к Даниилу: «Пришло к тебе Романа и Новгородцев (из Новгородка), лишь бы ты шёл ко Возвяглю, оттуда и к Киеву», и назначили соединиться в Возвягле»⁷. Однако Миндовг вместо договорённой помощи предательски ударил в тылы Даниила. Блистательно начатый поход был сорван.

Александр тоже готовился к свержению татарского ига. В Новгороде находились посольства и «гости» — купцы из Швеции и из Риги — для подписания мирного и торгового договоров.

В 1258 г. разгневанный Берке смещает Куремсу, и вскоре «злой и нечестивый» Бурундай идёт со множеством полков своих на Литву. Миндовг полатился за своё вероломство! Даниилу Бурундай предъявил ультиматум: «Или ты — мирник или война!» Князю Галицкому снова пришлось сменить меч на дипломатию. Бурундай получил задание вызвать Даниила для переговоров и схватить его, но самоотверженный Василько едет к Бурундаю вместо брата.

⁴ После смерти Миндовга его сын Войшелк передал великое княжение Литвы сыну Даниила, своему зятю Шварну Даниловичу.

⁵ Галицко-Волынская летопись под 1260 годом.

⁶ Там же, под 1255 годом.

⁷ Там же, под 1258 г. (в переводе). Подлинник: «Пришла Миндовг к Данилу: «Пришло к тебе Романа и Новгородца, абы пошёл ко Возвяглю, оттуда и к Киеву»; и срече срок во Възвягле».

¹ Надо полагать, что Кирилл бывал с Невским и в Орде, ибо в 1262 г. там была учреждена русская епархия.

² Лаврентьевская летопись, стр. 203.

³ Кстати, в учебнике русской истории под редакцией А. Панкратовой указана неправильно дата Ярославской победы — 1249 год.

Таким же Васильком для Александра был и Андрей Ярославич, когда Суздальская земля сделала попытку в 1252 г. свергнуть татарское иго.

На обратном пути из Литвы, проходя земли «мирника», Бурундай потребовал от Даниила срыть крепости. Пришлось принять ультиматум, ибо татарская многосоттысячная армия была уже внутри страны. Силы противников были несоизмеримы. Однако Даниилу удалось сохранить сильнейшую из выстроенных им крепостей — Холм. Несмотря на это ослушание, татары не решились на войну против Даниила.

Тем временем Александр Ярославич окончательно переносит свою резиденцию из Новгорода во Владимир-Суздальский. В 1258—1259 гг. он «поеха с честью в свою отчину», затем ненадолго — опять в Новгород и снова — в землю Ростовско-Суздальскую: «поеха в Володимерь»¹.

Это похоже на «инспектирование» всех своих земель перед какими-то важными событиями. И всё это делается с благословения митрополита Кирилла (Галицкого). Вся поездка, по свидетельству летописи, исполнена какой-то особой, суровой торжественности: Александр поклоняется праху своих предков, принимает благословение Кирилла. В древней Руси так готовились князья к битве.

И действительно, ещё в бытность Александра в Ростовско-Суздальской земле снова, как десять лет назад, по всем восточным княжествам подымается согласованное, одновременное восстание народа против татар — событие, всё ещё не достаточно оценённое, особенно во взаимосвязи со сближением Даниила и Александра, Карпатской и Великой Руси.

«В лето 6770 (1262 г.—А. Ю.) изгнали поганых изо всех городов, не стерпев насилия их... выгнали из Ростова, из Володимера, из Суждала, из Ярославля»². А татар было много: и десятники, и сотники, и тысячники, и десяти тысячники были поставлены ханом Берке в 1257 году.

И опять-таки в этом видна направляющая рука Александра Ярославича. И весьма знаменательно, что по градам и весям от имени самого Невского читались грамоты, «что татар бити»³. И восстание 1262 г. снова «сопадает» с весьма благоприятной для него ситуацией, сложившейся в Орде. Даже и теперь, через семьсот лет, нетрудно заметить, что внешнеполитическая обстановка снова позволяла добиться, как и в 1252 г., большой «ослабы» в татарском давлении на Русь.

Следующие обстоятельства способствовали восстанию 1262 г.: 1) армия Бурундай—

отборная и многочисленная — находилась ещё на Западе, и Даниил Галицкий, избежав войны и сохранив крепость Холм, по-прежнему не был покорён. И если принять здесь для Бурундая 1261 год по Ипатьевской летописи, а не 1260 год по «Хронологии» Грушевского, то получается опять полное совпадение⁴. Так или иначе, выходит, что Александр снова поддержал Даниила. Выступления их против татар опять совпадают; 2) «рижане» и шведы в это время добились от Александра мира, и в 1263 г. был уже подписан торговый договор; 3) и именно в 1262 г., который был годом победоносного восстания в землях Александра, борьба между Золотой Ордой и Персидской, между ханом Берке и ханом Хулагу, перешла в открытую войну.

Об этой междоусобной войне среди татар галицкий летописец под 1266 г. говорит: «Бысть мятежь велик в самих Татарах: избиха сами промежи собою безчисленное множество акъ песок морьских».

Автор «Хронологии» галицко-волинских событий⁵, ссылаясь на Галицкую летопись, пишет: «Летописец, очевидно, разумеет тут который-то из эпизодов борьбы Берке с Хулагу, которая тянулась в годы 1262—1266»⁶.

Второй раз мы видим Александра Невского как гениального политика и вождя!

И в Данииле летописные данные⁶ позволяют утверждать, что несмотря на срытие крепостей, Даниил не прекратил упорной борьбы против татар. Не теряя времени, он в том же году (1261—1262) созвал съезд подвластных ему князей русских совместно с польскими князьями в Тернаве и заключил военный союз против всех врагов.

Александру Невскому восстание 1262 г. было вменено в тяжкую вину Берке-ханом. Когда Александр приехал в Орду, его там, по существу, арестовали (летопись прямо говорит об этом) и продержали шесть месяцев (по «Житию», а по другим источникам, — около года). Затем, сделав вид, что удовлетворились, наконец, его объяснениями, повидимому... отравили.

«В лето 1262 г., — повествует I Новгородская летопись, — пошёл князь Олександр в Татары и задержал его Берка, не пустил в Русь, и зимовал (Александр.—А. Ю.) в Татарах и разболелся».

Полная аналогия со смертью отца его Ярослава, которого, по всеобщему свидетельству летописей и папского легата Карпини, бывшего в Большой Орде вместе с Ярославом Всеволодичем, и, по мнению всех историков, отравила, угощая вином, старая ханша Туракина.

⁴ Польские источники дату похода Бурундая переносят позднее, чем Грушевский.

⁵ «Хронология подій Галицко-Волинської літописи». Записка наукового товариства імені Шевченка. Кн. III, стр. 45. 1901.

⁶ Ипатьевская летопись, Густынская.

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 475—476. Изд. АН СССР.

² Лаврентьевская летопись и продолжение Суздальской под 1262 годом.

³ Карамзин Н. «История государства российского». Т. IV, примечание на стр. 63.

«Злобе бо их и льсти несть конца: Ярослава, великого князя Суздальского зелием умориша»¹, — говорит галицкий летописец. О насильственной, «нужной», смерти отца Александра Невского, Ярослава Всеволодича, говорится и в продолжении Суздальской летописи: «Того же лета преставися Ярослав в Татарех нужною смертью» (30 сентября 1246 г.)².

Иоани де Плано Карпини, посланный к татарам, пишет об этом отравлении так: «В это время умер Ярослав, великий герцог Суздаль, которое Герцогство находится в Руссии. Мать императора, как будто оказывая ему честь, позвала его к себе и подчивала из своих рук; возвратясь же к себе в ставку тотчас занемог и умер, в седьмой день, и все тело его удивительным образом посинело»³.

Тогда же, как сообщает папский легат, уже была предпринята попытка отравить и Александра Невского. «Мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправила гонца в Руссию к его (Ярослава.—А. Ю.) сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она послала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его, или даже подвергнет вечному плену»⁴.

Из летописи мы знаем, что Ярославу в Большой Орде пришлось принять великое

«томление» (мучение, истязание)⁵, так же как сыну его Александру у Берке.

Если юный Александр в год умерщвления Ярослава в Монголии, ещё ничем себя против татар не проявивший, был уже для них страшен, если в далёком Каракоруме от него уже тогда задумали избавиться при помощи яда, тем более это становится вероятным, когда в 1263 г. он был задержан в Орде сразу после большого народного восстания в его княжествах и по поводу этого восстания. На этот раз нельзя было сослаться на Андрея Ярославича и на то, что он сам в это время, дескать, был у татар.

В 1262 г. Александр занимал великокняжеский владимирский стол и лично находился во Владимире.

Умер Александр Невский в расцвете своих сил и мощи духовной, 43 лет от роду. Во всех редакциях «Жития» говорится, что силою он был Самсон. Кончина его последовала через несколько дней по выезде из Орды (так же, как отца его Ярослава). «В лето 1263. Пришёл князь Александр из Татар сильно больной, осенью, и пришёл в Городец (недалеко от Орды.—А. Ю.) и 14 ноября... той же ночи и скончался». Смерть была весьма мучительной. Александр просил, чтобы дружина не смотрела на него.

Всего на один год пережили Александра Даниил Галицкий и Андрей Ярославич.

После смерти Невского в обход законных прав Андрея Ярославича татары выдали ярлык на великое княжение младшему брату Ярославу Ярославичу. Ханы боялись вернуть великое княжение «споспешнику» Александра, зятю Даниила Галицкого, человеку, уже рискнушему однажды вступить в открытый бой с татарской ордой.

⁵ См. «Материалы для словаря древнерусского языка» акад. И. И. Срезневского.

¹ Ипатьевская летопись под 1250 годом.

² Воскресенская летопись, стр. 156; Софийская летопись. Т. I, стр. 265.

³ Плано Карпини «Путешествие к татарам», перевод Языкова.

⁴ См. Новгородская I, Софийская I летописи и «Жития Александра».